

К 20-летию вывода советских войск из Афганистана

А началась военная карьера полковника Маркова в далеком уже 1973 году, когда перед ним, выпускником архангельской средней школы, встал тривиальный вопрос – кем быть? Родители, сугубо штатские люди, видели в сыне историка – достойная, увлекательная и престижная тогда профессия. Михаил с родителями был согласен – история действительно манила его, особенно ее прикладная часть, именуемая археологией. Однако вместо увлекательных археологических экспедиций и научной деятельности его ожидала совсем другая судьба. Гостивший у них в доме двоюродный брат, представитель давней военной династии, показал свою парадную форму и столь красочно живописал неповторимую романтику военной службы, что юный Михаил решил для себя – буду поступать в военное училище.

«Нельзя сказать, что я принял такое решение исключительно под влиянием брата, – говорит Михаил Анатольевич. – Это был осознанный выбор. Я действительно искренне хотел посвятить свою жизнь служению Родине, находясь на самых трудных участках».

С реальными трудностями бывший школьник столкнулся сразу же после того, как подал документы в Новосибирское высшее военное общевойсковое командное училище – вступительным экзаменам предшествовали военные сборы. Жизнь в палатках на десятки человек, ночные наряды, бесконечные уборки территорий, неустроенный быт – все это Михаил воспринимал как необходимость преодоления себя, окончательный разрыв с тихой и спокойной жизнью в родительской семье, этап взросления. А ведь еще нужно было готовиться к экзаменам – в тот год на одно место претендовали двенадцать абитуриентов.

«Не скрою, приходила порой мысль – а зачем мне все это надо? – вспоминает сегодня Михаил Анатольевич. – Тем более, что меня, кандидата в мастера спорта по классической борьбе, брал в свою команду заслуженный тренер Российской Федерации Б.Гурьев. Была возможность жить в Москве, в отдельной квартире ... Но и условие было – учиться обязательно в Политехническом институте. А я уже твердо решил стать военным, и отступать от этого решения считал малодушием, недостойным мужчиной».

После окончания училища лейтенант Марков был направлен для дальнейшего прохождения службы в военный гарнизон, расположенный в Восточном Казахстане – 45 километров до ближайшего населенного пункта.

«Если честно, то я тогда был в ужасе, – говорит Михаил Анатольевич. – Полная изоляция от внешнего мира, вода привозная, для офицерских жен нет никакой работы. Хотя я тогда еще не был женат. Командование предложило мне отдельную квартиру, но я отказался – это уж совсем тоска, одному в четырех стенах. Жил в общежитии. Бесперывные учения и выходы в караул, и это при том, что в роте численностью в 110 человек, кроме меня, не было ни одного офицера. А контингент военнослужащих сложнейший – в основном выходцы из республик Средней Азии и Закавказья, со своими устоями и традициями, клановостью и своеобразными понятиями о дисциплине и человеческом достоинстве.

Особенно запомнились пятимесячные учения, проходившие на полигоне с применением ядерного оружия малой мощности. Все это время мы жили в голой степи, спали под открытым небом, не было даже палаток. Грязь, вши, болезни – за 5 месяцев мылись два раза. Нас даже «бомбили» регулярно – сбрасывали с самолетов пустые железные бочки, которые с разрывающим барабанным перепонкой визгом валялись с неба. Был в этом, наверное, какой-то смысл – провести учения в условиях, максимально приближенных к боевым. Я старался не задумываться над этим – офицеры не должны подвергать сомнению действия командиров».

Долгожданная командировка в Германию для молодого офицера стала настоящим подарком судьбы. В это время он женился, родились дети – сын Игорь и дочь Юлия. Потом была служба в Прикарпатском военном округе, в учебной дивизии города Черновцы, где готовили командиров отделений, специалистов войсковой разведки. Бытовые трудности, преследовавшие Маркова еще с абитуриентских времен, настигли его и здесь – с женой и детьми он поселился в обшарпанном общежитии, где на 48 семей был один туалет и одна газовая плита. Зато в изобилии водились крысы и мыши. Именно во время службы в Прикарпатье Михаила Анатольевича послали в командировку в Афганистан..

«Официально нам не сообщали, куда именно офицеры регулярно убывают в командировку, – вспоминает Михаил Анатольевич, – но мы, разумеется, знали, догадывались. Хотя масштаба боевых действий, ведущихся в Афганистане,

Бесспорна и многократно подтверждена историей истина: если мы войну забудем – вновь придет война. Афганская война осталась для нашего общества чужой, неизвестной, а стараниями политиков – еще и несправедливой. Но глупо думать, что чужое горе тебя не коснется. Вспомните фразу английского поэта Джона Донна: «...никогда не спрашивай, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе». И с беспощадной ясностью осознайте: «не спрашивай, чей сын убит, это твой Сын!» Многие наши соотечественники убедились в этом уже после афганской войны, когда их родные и близкие оказались в пекле локальных конфликтов на Родине, миллионы людей лишились крова, стали беженцами в собственном Отечестве. Да, любая война – это проклятие, кровь и боль, страдания и лишения, подлость и предательства, преступления. Но и милосердие, благородство, отвага, доблесть, мужество и героизм. Об этом и еще многом другом наша беседа с председателем ВТО «Забота» Российского Союза ветеранов Афганистана Михаилом Анатольевичем МАРКОВЫМ. Пройдя путь от курсанта Новосибирского высшего военного училища до полковника, сегодня Михаил Анатольевич является помощником военного комиссара г.Всеволожска по правовой работе.

Забвению не подлежит

реально не представляли. О том, что настала моя очередь выполнять интернациональный долг, я узнал 14 июля 1986 года – в этот день был дежурным по полку. Через 3 дня у сына день рождения...

Все решилось в считанные часы – прохождение медкомиссии в госпитале, сдача должности ... А за день до этого в расположение прибыл груз-200 – привезли тело майора, нашего товарища. Вот на его место меня и отправляли. Жене я сказал сразу – еду в Афганистан».

Любую войну можно сравнить с белым солнцем, которое раскалено настолько, что способно ослепить каждого, взглянувшего на него. И делятся люди не просто на своих и чужих, а на врагов, стремящихся или вынужденных стрелять друг в друга. Но даже там, где жизнь проходит от обстрела к обстрелу, случаются необычные, волнующие душу истории, приобретающие значение символов.

«По прибытии в Афганистан мне предложили два места: должность при штабе или службу в провинции Парван, в местечке под названием Гульбахор, – вспоминает Михаил Анатольевич. – Я выбрал второе, так как штабная работа меня никогда не привлекала, а о реальной опасности для жизни во время боевых действий в горной местности я, тридцатилетний офицер, даже не задумывался. Как добирался до места службы, помню, как в тумане, – обстреливали дважды, но это было не страшно, словно крутилось кино с моим участием».

В задачи нашего батальона входило обеспечение прохода автоколонн по горным дорогам. Мы называли автоколонны «ниточками». Средняя скорость движения машины через горные перевалы не более пяти – десяти километров в час. Опасность сорваться с тысячеметровой высоты серпантина чрезвычайно высока, к тому же колонны подвергались массированным обстрелам. Для защиты автоколонн на вершинах гор располагались так называемые выносные посты, где постоянно жили наши солдаты, контролирующие участки горной дороги. Первый мой бой произошел на второй день после прибытия.

Обстреливали нас почти каждый день – из минометов, реактивными снарядами с напалмом и фосфором, «работали» снайперы.

Машины шли большей частью из Саланга.

Нападали душманы в основном в узких горных местах. Тактика простая – подбивали первую и последнюю машины, так, чтобы «ниточка» не могла развернуться, затем расстреливали остальные.

Вспоминается такой случай. Во время очередного обстрела автоколонны был пробит и подожжен трубопровод, проходивший вдоль дороги. Необходимо было продвинуть «ниточку», но из-за плотного огня не было никакой возможности подойти к машинам. И тут один солдат рванул из БТР к первой машине, вытащил раненого водителя, завел машину и направил ее в пропасть. К счастью, сам успел выскочить в последнюю секунду. Примечательно, что солдат этот должен был быть уволен по замене через несколько дней. Помнится, я спросил его: зачем ты так рисковал? Отвечает: обидно, служба к концу подходит, а наград нет. Очень хотелось ему медаль!

Не могу не вспомнить и о бойце, тоже старослужащем, спасшем мне жизнь, – это было в первый месяц моего пребывания в Афганистане. Во время боя я, в запальчивости и по дурости, выскочил из окопа прямо на пулю снайпера. Боец закрыл меня собственным телом. На нем был бронежилет, только поэтому он не погиб – я помню огромное черное пятно на его теле, оставшееся от удара пули.

Вообще же, там старались беречь тех, кто должен был скоро покинуть эту горящую землю, и тех, кто только вступал на нее.

Нельзя забыть и о событиях, произошедших 23 февраля 1987 года. Мы отмечали День Советской Армии, когда в помещение ворвался боец с сообщением, что отряд «духов» идет на нас врукопашную. В темноте удалось разглядеть, что человек 30-40 идут в полный рост, видимо, обкуранные или под воздействием других наркотических средств. Мы отстреливались, но «духи», несмотря на потери, продолжали наступать. Только после того, как нам прислали автоматический миномет «Василек», душманы дрогнули и побежали обратно, но еще дважды предпринимали попытки атак.

Было и такое, что люди пропадали. Наш заместитель начальника штаба увольнялся по замене, но транспорта все не было и не было. Решил добираться до ближайшего транспорта

пешком – очень хотел поскорее увидеться с семьей. И пропал. Нашли его только через две недели – тело представляло собой кровавую лепешку. Вот так-то.

Но и комичные случаи тоже бывали. Прибыл как-то в наше расположение один майор из штаба полка. В подробности вдаваться не буду, но случилось так, что он вместе с бойцом в темноте просто потерялся. Долго блуждал по тылам, наскочил на расположение «духов», затем вышел к местному военкомату, напоролся на их, афганскую милицию, попал в окрестности текстильной фабрики, числившейся стратегическим объектом и охраняемой «ночными тиграми» – местными жителями, мстящими за потерю близких, несколько раз вступал в бой. Спасло его знание языка и, конечно, счастливая звезда. Он сумел вернуться живым и невредимым и привести с собой бойца».

Для многих крещение Афганистаном стало тяжелым испытанием, возможностью познать себя, доказать себе и другим, чего ты стоишь. На той войне приобретали настоящих друзей, учились ценить то, о чем в мирной жизни даже не задумываешься. Вот как рассказывает полковник Марков об одной из самых опасных своих боевых операций на опаленной войной афганской земле:

«Шел 1987 год. Наше расположение было блокировано группировкой полевого командира Фариды, кстати, бывшего профессора теологии Кабульского университета. Пятитысячный отряд окружил нас плотным кольцом. Обстрелы, атаки почти непрерывно. Через полторы недели блокады подошли к концу боеприпасы, закончилось продовольствие и медикаменты, стали умирать раненые. Было принято решение отправить в полк мобильную группу из трех машин БТР. Я был одним из тех, кому доверили это дело. Мы удачно прорвались сквозь кольцо, в полку загрузили три БТРа – провизия, лекарства, боеприпасы. У меня были продукты – тушенка, сгущенка, галеты какие-то... Гораздо больше я боялся на обратном пути, боялся, что сожгут нас или вырежут, что не доведем все это добро, без которого наши товарищи уже не могут обходиться».

Довезли. Только прибыли в расположение, как начался мощный минометный обстрел. Одна из мин попала прямо в мой БТР, вовнутрь. От верной смерти спасли ящики с продуктами – очнулся весь в крови и в сгущенке. Смешно. Так я получил свое первое серьезное ранение. И орден «За службу Родине в Вооруженных Силах».

После Афганистана Михаил Анатольевич Марков все-таки исполнил свою юношескую мечту – получил специальность историка, закончив педагогический факультет Военной академии им. Ленина в Москве. Сегодня кавалер ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах» и ордена Красной Звезды, а также других многочисленных наград, полковник Марков работает во Всеволожском городском военкомате. Постоянно контактируя с призывниками, их родителями, он прекрасно понимает, что в определенное время, из-за войны, которую наша страна вела в Афганистане, во многом был утрачен престиж службы в армии, военной службы вообще. Развился так называемый «афганский синдром» – боязнь попасть на текущую войну, боязнь того, что по возвращении тебя объявят агрессором, преступником-убийцей только за то, что ты, рискуя жизнью, доблестно служишь государству.

«Обстановку в различных регионах нашей страны и ближнем зарубежье делает уроки Афгана крайне актуальными для сегодняшней России, – убежден Михаил Анатольевич. – Трудно рассчитывать на то, что молодые россияне массово захотят встать в ряды защитников государства, если не будут уверены, что это самое государство позаботится о тех, кто проливал кровь по его приказу, не бросит на произвол судьбы воинов-ветеранов, калек, семьи погибших. Забвение уроков трагедий ведет к еще более трагичным их повторениям, а равнодушие к защитникам Отечества порождает безразличие к судьбе Родины».

Молодое поколение, прочитав такой материал, вполне может пожать плечами и сказать: «Не очень-то и круто!» Но реальная война – это не скорострельный американский боевик с участием резиново-надутых «качков» и закованных в броню «терминаторов». Здесь мишенью для снайпера, да и просто для случайного осколка, могут стать обыкновенные люди, у которых нет никакой защиты от смерти. Время уходит, но память о той войне живет в воспоминаниях солдат и офицеров. Именно из таких свидетельств очевидца и участника афганских событий рождается для потомков не приглашенная временем действительная история.

Светлана ЗАВАДСКАЯ
Фото Александра КРЫЛОВА